

Коммунизм
Евразия

ЧТОБЫ ЛЮДИ ЖИЛИ ЛЮБЯ

Роман известного грузинского писателя Нодара Думбадзе «Закон вечности» представлен на конкурс Ленинской пре-

мии. Сегодня мы публикуем рецензию на этот роман, написанную армянским литературоведом.

Человек выражает себя: в слове — хозяин своего слова или бросает слово на ветер, в деле — человек дела или бездельник, во времени — человек знает свое время или не знает его.

Жизни человека и тому, как она воплотилась в трех этих ипостасях, посвящен роман Нодара Думбадзе «Закон вечности». Герой романа Бачана Рамишвили отстаивает свои взгляды, свои убеждения, себя. Полемизируя с главным своим оппонентом, он утверждает: «Мы ценим и время и дело, и слово».

«Закон вечности» — роман насквозь полемический. В основе сюжета — столкновение взглядов, даже не взглядов, а мировоззрений.

Сюжет романа строится на узловых, главных событиях жизни героя. И дело не только в том, что человек с тяжелым инфарктом (жизнь на переломе) оказывается в больнице, где много времени для дум и размышлений. Человек судит свою жизнь, потому что здесь, в больнице, с неумолимой безотлагательностью встают вопросы жизни и смерти, здесь острее и больнее обычного видится жизнь — у одних кривая жизни легкая и угодливая, у

других — отчужденная неизменным мужеством прямая жизни с превратностями судьбы и невосполнимыми потерями... «Сегодня необычный день: Хосе Диас и Долорес Ибаррури раздают тбилисским пионерам шапки с кисточками — подарки детей республиканской Испании... Долорес Ибаррури, высокая смуглая красивая женщина, вручает Бачане шапочку от имени баскского мальчика».

— Будь готов! — говорит Ибаррури.

— Всегда готов! — отвечает, салютуя, Бачана».

И вдруг — одна беда за другой. Мальчик просыпается среди ночи от стука захлопнувшейся двери. Испуганный, он идет к маме, к маминной постели, но мамы нет — только постель еще хранит мамино тепло... Годы сиротства, война, туберкулез и добрые люди, заменившие мальчику родителей, и сам мальчик, сохранивший верность пионерской клятве, пронесший через всю жизнь то последнее, горькое и сладостное ощущение материнского тепла.

В войну чахоточного мальчика выходил Глахуна Керкадзе. И когда Глахуна погиб от руки дезертира и из-

верга, мальчик отомстил за своего спасителя — он убил бандита. «Боже всемогущий, зачем твоя месть явилась в образе этого ребенка!» — мучился Ломкаца, Бачанин дед.

Бачана еще не раз столкнется лицом к лицу со злом. Казнокрады и взяточники Нугзар Дарахвелидзе и Сандро Магалаперидзе... Или вот еще один «герой» из того же ряда — незнакомец, который говорит от имени таинственных похитителей бесценной реликвии. «Бачана содрогнулся. У незнакомца не было лица!».

Памфлетно, хлестко пишет Думбадзе о людях идейных и нравственно разрушенных и поэтому особенно опасных. И нельзя сказать, чтобы победа над этими людьми легко давалась Бачане Рамишвили, ставшему известным писателем. Думбадзе не отступил от жизненной правды, показал силу зла, его живучесть. И тем убедительней рассказ о жизни и делах грузинского писателя-коммуниста.

Роман Нодара Думбадзе автобиографичен. И не потому, что главный герой романа — писатель. Автобиографична природа творчества вообще. В данном конкрет-

ном случае автобиографичность романа подчеркивается, чтобы в общем потоке времени (30—70-е годы) резче обозначить периоды наиболее острые, переломные. И с этой точки зрения предмет особого внимания автора — годы семидесятые, годы для Грузии воистину богатые событиями, определявшими жизнь республики на сегодняшний день и на будущее.

Роман Нодара Думбадзе актуален. Вечные темы или такие нравственные проблемы, как человек и его душа, человек и его совесть, взяты в их соотносительности со злобой дня. Студент Бачана Рамишвили получает первую за всю свою жизнь пятерку в день, когда он называет сестрою несчастною, помешанную женщину. Оценка, что и говорить, символическая. И споры Бачаны со священником (их свела больничная палата) — целиком в русле нравственных и философских исканий современного человека. Отец Иорам признается в своем поражении, но это не простое поражение. В коммунисте Рамишвили он узрел человека высших принципов и правил. Поэтому в признании Иорам («не сумел я по-

прать в нем бога иного») проступает мотив благословения: «Боже всемогущий, будь покровителем и хранителем ему... ибо чем дольше он будет жить на этом свете, тем больше посеет добра и милосердия в созданном тобою мире».

Бачана Рамишвили — человек, отмеченный судьбой. К нему приходит одержимый странной идеей Галактион Мтвадзе и сообщает, что он, Бачана — гуманоид (от слова гомо), что ему надлежит знать о своей исключительно важной миссии на земле. Наконец, он предстал перед самим господом богом со стихами Важа Пшавелы на устах: «Зачем я в жизнь явился человеком? Зачем дождем я не разлился весь?» Этот эпизод функционально перекликается с великолепным началом романа. Большой теряет сознание, и ему чудится, что он плывет на лодке и что лодочник ржавыми гвоздями прибил его руки и ноги к сиденьям.

«Выдернут там, на другом берегу! — донесся издали голос лодочника. Больной слышал и другие глухие голоса с берега, но он не мог понять, что это было — слова прощания, утешения, предостерегающие крики или вопли оплакивающих его людей...».

И все это, разумеется, не мистика. Думбадзе использует прием, Роман написан в традициях фольклорной условности, сказочности и фантастики, в традициях грузинской психологической прозы и неистощимого грузинского народного юмора... Не прошел Думбадзе и мимо достижений современного ро-

мана — опыта Михаила Булгакова и Габриэля Гарсиа Маркеса прежде всего.

Роман сложен стилистически, богат интонационно. Добродушный юмор, ирония отрицания и злободневный сарказм памфлетиста. Подчеркнутая условность, подчеркнутая символичность или притчевость ряда эпизодов органичны в общей ткани романа. Стоит герою сказать «Зачем дождем я не разлился весь», как вдруг... «Бачана разлился дождем, и поднялись сквозь выжженную землю пустыни цветы — красивые, веселые, благоухающие...».

Нравственный пафос, я бы сказал, нравственный призыв романа Думбадзе заключается в том, чтобы люди жили любя, чтобы жили просто и честно. Как Бачана. Или как тбилисский сапожник Булика.

«Скажите, товарищ Рамишвили, почему вы вступаете в партию?»

«Хочу, чтобы в партии было как можно больше честных людей!» — отвечает Бачана.

За этими словами (не фразой, а словами) — жизнь Бачаны, сложнейшие переделки, в которые попадает коммунист Рамишвили. И что бы ни случилось, он отстаивает, он утверждает на этой, земле человечность, добро и красоту. Юношей он пошел против целой группы деревенских пошляков и вступился за девушку Тамару. Вступился за невинность. Мужчиной он встретил другую женщину — Марию. Тамара и Мария! Одна словно бы продолжала судьбу другой. Бачана стал для Ма-

рии, как в свое время для Тамары, духовной опорой. И сам он нашел в ней опору духовную. Нодар Думбадзе воспел женщину. Воспел жизнь. Нашел слова в меру возвышенные и точные.

Думбадзе — мастер слова. Он в своих книгах разрушил ставшие условными литературные формы повествования. При этом он преследовал задачи не формальные, а содержательные. Он хотел выразить в литературе великое многообразие меняющейся жизни, написать о тех ее проявлениях, которые еще не стали предметом изображения большой прозы. Думбадзе идет не вслед, а впереди... Он достиг такой раскованности повествования, когда форма не ощущается, ее словно бы нет, когда автор и читатель — два друга-собеседника и говорят они на равных. Отсюда и сильнейшее эстетическое и этическое воздействие прозы Думбадзе на читателя.

...Итак — слово, дело и время. Нодар Думбадзе верен этому трудному единству. Жизнь писателя-коммуниста не расходится со словом, а слово — с делом. И все это (жизнь, слово и дело) материализуется во времени.

«Закон вечности» Нодара Думбадзе поможет читателю познать время, а значит, и себя, свою жизнь. «Люди, будьте достойны своего времени», — так я понял основную мысль «Закона вечности». Мне дорог этот роман и его автор Нодар Думбадзе.

Левон МКРТЧЯН,
профессор, доктор филологических наук.